

РАСКОДИРОВАННЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ ПОТОКИ: КАПИТАЛИЗМ И YOUTUBE

Виктория Константюк¹

Abstract

YouTube captures a status of the dominant mode of representation, the priority to show. We are interested in the following questions here: how do new media and new technologies affect our dreams, desires, fantasies and everyday practices. We can argue that *YouTube* changes both our understanding of everyday life and ourselves. When Umberto Eco was interested first of all in the aesthetic of seriality and repetition, we are more interested in the social logic of this phenomenon. The main aim of this article is to try to understand the logic of cultural schizophrenia (visual seriality, repetition) on *YouTube*.

Keywords: *YouTube*, seriality, capitalism, schizoanalysis, schizophrenia, cultural schizophrenia.

«Наше общество производит шизофреников так же, как шампунь *Dop* или автомобили *Renault*, с тем единственным различием, что шизофреников нельзя продать».

Жиль Делёз, Феликс Гваттари²

Основная цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать новые визуальные практики, практики визуальной серийности, которые реализуются в таком медийном пространстве, как *YouTube*; уйти от рассмотрения серийности как чисто эстетического феномена (Умберто Эко); рассмотреть эстетическую серийность и экономическую, капиталистическую серийность (Жан Бодрийяр, Фредерик Джеймисон) как гомологичные феномены. В данной статье также будет осуществлена попытка прочтения повторения и серийности в *YouTube* (их можно обозначить термином *культурной шизофрении*) через психоаналитическое и шизоаналитическое понятие шизофрении, а также с опорой на психомарксистский подход Славоя Жижека к исследованию киберпространства. Ключевым моментом в данном анализе выступает для нас понимание медиа не только как средства, способа,

¹ Виктория Анатольевна Константюк – культуролог, преподаватель департамента медиа Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² Делёз Ж., Гваттари Ф. *Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип*. М., 1990. С. 388.

канала передачи информации и коммуникации, но и как формы социальной *медиации* (опосредования) индивидуальных желаний.

Визуальное желание, повторение и серийность в *YouTube*

Сравнительно недавно появившись, *YouTube* стал неотъемлемой частью нашей повседневности и нашего повседневного опыта. Благодаря *YouTube* мы имеем возможность в любой момент послушать любимую музыку, посмотреть новые и/или давно забытые фильмы, клипы, мультфильмы. *YouTube*, действительно, можно считать архивом визуального, к которому есть доступ не только у отдельных лиц (так называемых экспертов), но у любого пользователя этого сервиса. Возможно, *YouTube* стал бы популярным, даже будучи всего лишь базой данных, архивом, однако он представляет собой всё-таки нечто большее, и это хорошо заметно, если сравнить его с ещё одним видеосервисом в Интернете – *Vimeo*, который всё же является больше пространством для профессиональных фильмейкеров и сообществ, а не для простых пользователей.

В *YouTube* же активно и стремительно происходит переконфигурация символического медийного пространства, в котором человек соотносится с визуальным порядком, экраном и, соответственно, с самим собой и своими желаниями. Первоначально *YouTube* планировался как сайт видеознакомств, согласно легенде самих разработчиков этого сервиса. В 2005 году понятие видео в сети было ещё достаточно необычным, тогда как сейчас без видео и видеороликов достаточно сложно представить себе Интернет.

В 2006 *Google* приобрёл *YouTube*, что также явилось важным поворотом в развитии этого онлайн сервиса. *YouTube* изменил общие правила и устоявшиеся каноны рекламы. На протяжении нескольких лет видеохостинг *YouTube* пытался за счёт привлечения рекламодателей приносить доход *Google*. В настоящее время ежегодный доход корпорации *Google* от размещаемой рекламы на видеохостинге *YouTube* составляет более USD 1 000 000 000, и сегодня это один из ключевых проектов *Google*.³ Таким образом, *YouTube* является своего рода картографией коллективного скопофилического влечения и визуального желания, которое уже эксплуатируется рекламной и развлекательной индустрией.

Несмотря на то что открытие *YouTube* состоялось в 2005 году, в белорусском и российском контекстах этот сервис стал реальностью и повседневностью значительно позже. Это связано во многом и с объективными причинами (темпы развития Интернета, охват территорий) и, в частности, с введением российской версии *Youtube* (ru.youtube.com), запущенной 14 ноября 2007 года, как и большинство локализованных версий.

³ Родичев И. *YouTube — площадка для продвижения бренда* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://bubunta.com/youtube-ploshhadka-dlya-prodvizheniya-brenda.html>.

Существование *YouTube* актуально в качестве общего глобального визуального пространства, или пространства визуального. Глобализация, как полагает Ф. Джеймисон – и в чём с ним можно согласиться, – является сегодня неизбежной чертой национальной жизни и, следовательно, индивидуального опыта.⁴

Используя идею параллаксного взгляда, можно попытаться рассмотреть *YouTube* как параллакс. В книге *Устройство разрыва. Параллаксное видение* Славой Жижек, опираясь в своём понимании на диалектику Гегеля и понятие параллакса К. Каратани⁵, подчёркивает критический потенциал параллаксного взгляда, позволяющий отказаться от попыток сведения одного аспекта к другому, т. е. от так называемого диалектического синтеза противоположностей. Такой подход (взгляд) позволяет сталкиваться с реальностью, которая раскрывается через *различие, напряжение, напряжённость (tension)*, т. е. через параллакс. Таким образом, основной посыл Жижека – заменить идею полярности противоположностей концептом неотъемлемого напряжения, разрыва, несовпадения Единицы с самой собой. Промежуток, разрыв, который отделяет Единицу от самой себя, – это и есть параллакс в понимании словенского философа.

Таким образом, с одной стороны, *YouTube* – это личный канал каждого пользователя и новая конфигурация визуальных желаний и визуальных практик; с другой стороны – это новое социальное пространство, новый канал и код подключения к нему, а также пространство публичности, публичного доступа к визуальному. Кроме того, в *YouTube* мы наблюдаем позитивные черты глобализации – всемирную коммуникацию, крушение границ и преодоление узости интересов в новом видении того, что глобальная жизнь может быть организована иначе, однако глобальное при этом предстаёт как нечто непредставимое, невообразимое как целое, которое каждый раз распадается на отдельные видеоролики и видеофрагменты.

Предположим также, что *YouTube* как новая форма социальной медиации индивидуальных желаний и новое пространство визуальных практик позволяет продолжить и развить тему, которую поднял в своей работе *Инновация и повторение* Умберто Эко о роли повторения и серийности в искусстве и массмедиа модернизма и постмодернизма. Вероятно, ни Эко, ни Джеймисон⁶, когда писали свои тексты, не могли вообразить того потока римейков, ремиксов, пастишей, повторений, который захлестнёт новую символическую виртуальную реальность, реальность *YouTube*. Томас Эльзассер, к примеру, также полагает, что в *YouTube* изначально заложен принцип серийности, повторяемости:

⁴ См.: Джеймисон Ф. Репрезентация глобализации // *Синий диван*. 2010. № 14 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://polit.ru/article/2010/04/05/jameson/>

⁵ Karatani K. *Transcritique: On Kant and Marx*. MIT, 2003.

⁶ Jameson F. *Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Verso, 1991.

«Сценарные пространства *YouTube*, или плутовские нарративы, удерживаются вместе не посредством согласованного диегесиса, не посредством согласованной субъективной позиции, но посредством вечных колебаний между “полнотой” отсылки и распознавания и “пустотой” повторения и избытка, между единичностью встречи и бесчисленной множественностью, в которой единичное происходит»⁷.

Предположим, что *YouTube* – это новое массмедийное пространство по производству и потреблению повторения и серийности, в отличие от кино и телевидения. Эту серийность мы рассмотрим в рамках и в соотношении с общими социально-экономическими, социально-культурными изменениями. Предположим также, что серийность, повторение по-новому возвращаются к нам сегодня в *YouTube* в утопическом виде. Тогда актуальными для нас будут следующие вопросы: что есть серийность в *YouTube*? Как она работает? Можно ли серийность в кино и на телевидении ретроспективно считать предвестником серийности в Интернете, или речь идёт о кардинально разных серийностях? Серийность в *YouTube* дублирует, воспроизводит, усиливает логику потребительского капитализма, или мы наблюдаем сопротивление этой логике? И если Умберто Эко интересовался прежде всего эстетической (т. е. безотносительно к социально-экономической логике культуры, без учёта так называемого «медиативного кода»⁸ (Джеймисон)) составляющей серийности и повторов в рамках кино, телевидения и рекламы, то нас интересует прежде всего логика этого явления в соотношении с социальной логикой. Поэтому в данной статье будет осуществлена попытка через эстетическое (в данном случае визуальное, серийное) схватить социальную логику повседневной, массовой, глобализированной визуальной культуры на современном этапе.

От клинической шизофрении к культурной шизофрении

В книге *Постмодернизм* Фредрик Джеймисон следует за лакановским психоанализом в понимании шизофрении, но не в строго клиническом смысле этого слова, а скорее, исходя из социальных, политических, экономических детерминаций. Он акцентирует внимание на изменении культурной патологии, на том, что отчуждение субъекта в эпоху постмодернизма, в отличие от модернизма, замещается его распадением. И именно на поверхности искусства и/или медиа (повседневной медиажизни) эти изменения, смещения становятся заметны. Джеймисон в своей книге риторически во-

⁷ Elsaesser T. Tales of Epiphany and Entropy: Around the Worlds in Eighty Clicks // P. Snickars, P. Vonderau (eds.) *The YouTube reader*. Sweden, 2009. С. 184.

⁸ «Медиативный код» – это система гомологий между различными феноменами, «текстами» культуры, включающая также и моменты деформации, компенсации, вытеснения при их взаимопереводе.

прошал: как культурная продукция такого субъекта может быть чем-то иным, кроме как «нагромождением фрагментов», практикой создания беспорядочного, разнородного, отрывочного, случайного?

Шизофрению Джеймисон, вслед за Лаканом, видит как разрыв отношений между означающими. Согласно Джеймисону, шизофренический опыт – это опыт изолированных, разъединённых, дискретных материальных означающих, которые не удаётся связать в последовательный ряд (например, подрыв соотношений часть/целое, распад связности вербального и визуального текста). Вслед за Джеймисоном мы можем предположить гомологичность психики современного субъекта, его желаний и культурной, медийной продукции и практик, т. е. выйти за рамки клинической, чисто психоаналитической постановки проблемы и рассмотреть перверсию и шизофрению не просто как индивидуальные проблемы и формы реализаций индивидуальных желаний, а в качестве культурной «патологии». То есть попытаться соотнести психику субъекта с онтологией сегодняшней (медиа) жизни.

В рамках такой постановки вопроса будет продуктивным обратиться к пониманию шизофрении в шизоанализе Жюль Делёза и Феликса Гваттари. В книге *Капитализм и шизофрения* шизофрения рассматривается указанными авторами диалектично. С одной стороны, шизофрения как возможность ускользания от капиталистической паранойи и машин желания. Например, по мнению Виктора Мазина, Делёз и Гваттари воздают хвалу шизофренику, ведущему борьбу за реальность, за желание, за себя против государственно-капиталистической паранойи. Для Делёза и Гваттари шизофрения – это негативное капиталистической формации, т. е. она наделяется революционным статусом ускользания, бегства от капиталистической паранойи.⁹ С другой стороны, мы можем говорить о сходстве капиталистической шизофрении (серийности) и её производства в постмодернистской культуре (вслед за Джеймисоном¹⁰) с пониманием шизофрении в шизоанализе. Согласно Делёзу и Гваттари, шизофреник в некотором смысле более капиталист, чем капиталист, более пролетарий, чем пролетарий: он раскодировывает потоки, и в этом завязывается что-то вроде природной тождественности капитализма и шизофреника. То, что является общим для капитализма как общественной структуры и шизофрении как процесса, – это общность, которая никогда не реализуется, не принимает конкретного облика; это общность некоего ещё абстрактного принципа. И капитализм, и шизофрения, по мнению Делёза, постоянно пропускают, испускают, перехватывают и концентрируют раскодированные и детерриториализованные по-

⁹ Мазин В. *Пять парадоксов. Соображения о шизоанализе после прочтения книги Жюль Делёза «Переговоры»* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2004/4/ma10.html>.

¹⁰ Jameson, op. cit.

токи.¹¹ То есть в шизоанализе шизофрения рассматривается как то, что схоже с капиталистической логикой, однако шизофрения содержит в себе возможность выхода за пределы капиталистической паранойи, поскольку, в отличие от капитализма, не осуществляет процесс аксиоматики. Шизофреник вообще не аксиоматизируется, он всегда идёт ещё дальше вместе с раскодированными потоками, а при необходимости и вовсе без потоков, лишь бы не подвергнуться кодированию. В то время как капиталистическое производство постоянно останавливает шизофренический процесс, превращает его субъекта в ограниченную капиталистическую сущность, как если бы оно видело в этом процессе образ своей собственной смерти.

Как полагает Джеймисон, в *Анти-Эдипе* Делёз и Гваттари дают нам видение истории, которое опирается на трансформацию базисных общественных форм, а также на корреляцию смещения в смыслах и концептуальных категориях с различными типами социоэкономических инфраструктур.¹² Шизофрения служит чем-то вроде нулевого уровня, относительно которого можно оценивать разнообразие формы человеческого бытия:

«Шизофрения для Делёза и Гваттари, таким образом, – это нечто вроде изначального потока, лежащего в основе самого существования; с клинической точки зрения шизофреника как раз и отличает это почти наркотическое разрушение временных и логических связей, смена одного момента опыта другим без той организации и той перспективы, которые задаются различными “видами абстрактного упорядочивания значений” – будь то индивидуальных или социальных, – связываемых нами с обычной повседневной жизнью»¹³.

Фредрик Джеймисон видит шизофрению в понимании Делёза и Гваттари как нечто вроде потока, который со временем в рамках различных социальных образований упорядочивается в более усложнённую, но и более репрессивную структуру; организованная социальная жизнь тем или иным способом кодирует этот поток, выстраивает его в те или иные упорядоченные иерархии значений. Кроме того, Джеймисон видит в гипотезе Делёза и Гваттари (концепция потоков и кодов) новые возможности, благодаря которым уже устаревший образец типологии обществ: дикие, варварские, цивилизованные (Энгельс, Морган и антропологический эволюционизм в целом) – превращается в более-менее сложный элемент технического инструментария. Состояние дикости есть момент кодирования изначального шизофренического потока, на стадии

¹¹ Делёз Ж. *Коды и капитализм (лекция 16 ноября 1971 года)* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.censura.ru/articles/codecapital.htm>.

¹² Джеймисон Ф. По ту сторону пещеры: демистификация идеологии модернизма // *Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 22 мая 2006 года. Мечта и катастрофа: смена прописей мира* (с. 20) [Электронный ресурс] Точка доступа: http://intelros.ru/club/texts/sbornik_8_club.pdf.

¹³ Джеймисон, *По ту сторону пещеры*, указ. соч., с. 21.

варварства речь идёт о перекодировании. При капитализме реальность подвергается новому типу воздействия: десакрализация и обмирщение, квантификация и рационализация – это всё процессы декодирования предшествующих типов реальности. Модернизм (современное общество) – это повторное кодирование декодированного потока, т. е. попытки заново закодировать, снова изобрести сакральное, вернуться к мифу; это целый сонм стратегий повторного кодирования, которые характеризуют различные виды модернизма.

Жак Бодрийяр в книге *Символический обмен и смерть* также близок к шизофренической идее потоков Делёза и Гваттари. Так, он полагает, что сегодня капиталистическая система сама оформляется как развязывание энергий, как стратегия ценностного дрейфа. Система может подключаться или отключаться, рано или поздно все энергии вливаются в неё. Капитал – это энергетическая и интенсивная система. Отсюда невозможность (по версии Лиотара) отличить либидинальную экономику от экономики самой системы (экономики ценности); отсюда невозможность (по версии Делёза) отличить капиталистическую расщеплённость от революционной:

«Ведь система – всему хозяйка: подобно Господу Богу, она вольна связывать и развязывать энергии; невозможным, а вместе с тем и неизбежным для неё является лишь одно – обратимость. Процесс становления ценности необратим. Оттого для системы смертельна одна лишь обратимость, а не развязывание или дрейф»¹⁴.

Предположим, что в *YouTube* мы наблюдаем шизофренически-капиталистическое раскодирование (визуальных) потоков, вслед за раскодированием потока денег, труда и последующим сведением их снова в новую конструируемую машину, которая является не машиной кодирования, а аксиоматической машиной.¹⁵ В *YouTube* мы сталкиваемся с новым режимом и видами серийности и повторения (культурной шизофренией), переход к которым связан с возможностью перехода от массового потребления серийности и повторения к массовому производству. Этому способствует логика Web. 2.0, т. е. логика массового сервиса, позволяющего пользователям самостоятельно производить контент, манипулировать связями между своими и чужими материалами в сети, массово создавать ремиксы и римейки. В *YouTube* не редкость сочетание в одном ролике разных типов медиа, например рекламы, фотографии, фрагментов фильмов и повседневной съёмки. Лев Манович называет такое смешение ремиксабилити (*Remixability*):

¹⁴ Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*, М.: Добросвет, 2000. С. 49.

¹⁵ Основные ключевые термины шизоанализа Делёза и Гваттари, с помощью которых они описывают, характеризуют капиталистическое общество, – это раскодирование прежде кодированных и перекодированных потоков и капиталистическая аксиоматика.

«Сейчас мы смотрим на новый набор инструментов для сбора и ремикса микроконтента новыми и полезными способами»¹⁶.

При помощи новых удобных интерфейсов мы получаем в своё распоряжение более мелкие элементы звуков, музыки, видео. Поэтому спектр визуальных желаний пользователей *YouTube* достаточно широк: от видеоисповедей до порой чисто технических и на первый взгляд бессмысленных видеотрансформаций. Пользователь *YouTube* как бы оказывается в ситуации «навязчивого повторения», или, точнее, «побуждения к повтору». Томас Эльзассер называет это *синефилией технологического фетишизма*, когда на первый план выходит не само видео, а активный индивидуальный опыт восприятия и персональный опыт освоения медиума. Именно посредством этого персонального, индивидуального, как уникального, так и полностью подчинённого предустановленной схеме (заложенной в самой структуре *YouTube* и его возможностях) опыта каждого пользователя, вырисовывается визуальная форма индивидуальных желаний и социальная функция *YouTube*.

Капитализм, киберпространство, *YouTube*

Славой Жижек также полагает, что сегодня всё чаще сама культурно-экономическая машина, для того чтобы воспроизводить себя в условиях рыночной конкуренции, не только позволяет, но прямо подталкивает к производству всё более разнообразных эффектов и скандальной продукции.¹⁷ «Нормальное» состояние капитализма, по мнению Жижека, – это непрерывная революционизация собственных условий существования:

«Капитализм изначально подвержен “разложению”, он всегда уже несёт на себе родимые пятна противоречия, дисгармонии, имманентного дисбаланса. Именно поэтому он изменяется, непрерывно развивается»¹⁸.

Предел капитализма (который заключён в самом капитале, как полагал Маркс) выступает не столько препятствием, сколько движущей силой его развития: чем больше он «разлагается», чем глубже становятся его противоречия, тем больше он вынужден революционизироваться ради выживания. По мнению Славоя Жижека, киберпространство является своего рода идеальным воплощением идеологии капитализма, которое в одном из интервью Билл

¹⁶ «Now we are looking to a new set of tools to aggregate and remix microcontent in new and useful ways»; см.: Manovich L. *Remixing and Remixability* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://imlportfolio.usc.edu/ctcs505/manovichremixmodular.pdf>.

¹⁷ См.: Жижек С. *Когда простота означает странность, а психоз становится нормой* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/zizek/ripley.html>.

¹⁸ Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художеств. журнал, 1999. С. 55.

Гейтс назвал «капитализмом без трений» (*«friction-free capitalism»*). Данное сравнение, по Жижеку, отлично выражает социальную фантазию, лежащую в основе идеологии капитализма киберпространства, фантазию о совершенно прозрачной эфирной среде обменов, в которых исчезает последний след материальной инерции.¹⁹ «Трения», от которых происходит избавление, относятся не столько к реальности материальных препятствий, но прежде всего к Реальному травматических социальных антагонизмов, властных отношений, которые придают пространству общественного обмена патологический оборот. Поэтому словенский философ считает, что

«самое ужасное в лозунге “капитализма без трений” заключается в том, что хотя действительные “трения” по-прежнему существуют, они становятся невидимыми, вытесняются в преисподнюю, находящуюся за пределами нашей “постмодернистской” постиндустриальной вселенной. И именно поэтому дигитализованную вселенную коммуникации “без трений”, технологических гаджетов и т. д. всегда преследует представление о том, что глобальная катастрофа совсем близко и может разразиться в любую минуту»²⁰.

Славой Жижек также обращает наше внимание на два гомологичных варианта разрыва между реальностью и виртуальностью: на разрыв между реальным производством и виртуальной/призрачной сферой Капитала и разрыв между эмпирической реальностью и виртуальной реальностью киберпространства. Так что в социальных условиях позднего капитализма сама материальность киберпространства автоматически производит иллюзорное абстрактное пространство обмена «без противоречий», в котором стёрта особенность социального положения участников.

«Опасность» же капитализма, согласно Жижеку, состоит в том, что при всей своей глобальности, включающей все миры, он поддерживает в строгом смысле «безмирную» идеологическую констелляцию, лишая подавляющее большинство людей сколько-нибудь значимой «когнитивной карты». Универсальность же капитализма заключается в том, что он обозначает не «цивилизацию», не определённый культурно-символический мир, а нейтральную экономико-символическую матрицу (а также матрицу социальных отношений), которая работает, например, с азиатскими ценностями так же, как и со всеми остальными.²¹

Итак, с одной стороны, *YouTube*, в отличие от радио и телевидения, действительно является более эффективным потенциальным пространством для взаимных обменов и коммуникации

¹⁹ См.: Zizek S. *What Can Psychoanalysis Tell Us About Cyberspace?* (p. 803) // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.psybc.com/pdfs/library/Psa_Cyberspace.pdf 12.06.2011.

²⁰ Жижек С. *Виртуальный капитализм* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://chewbakka.com/brains/virtual_capital.

²¹ Жижек С. *Устройство разрыва. Параллаксное видение*, М., 2008. С. 448.

(взять хотя бы возможность создания собственного канала, размещения видеответа, комментариев), о котором писал Жан Бодрийяр²² и мечтал Г. Энценсберг²³ посредством утопической идеи возвращения к социалистическому предназначению медиа. С другой стороны, отсутствие чётких границ зачастую сводит подобные практики и желания к мастурбационному²⁴, нарциссическому средству одинокого удовольствия. При этом социальная жизнь в эпоху *YouTube*, как полагает Андрей Горных, трансформируется в несуществующую историю, выступает для пользователей всего лишь как предлог для создания своих частных потоков визуального удовольствия на руинах публичной сферы.²⁵ Возможность коммуникации оборачивается бесконечными потоками фрагментированных видео и комментариев к ним. И, вероятно, стоит согласиться с Томасом Эльзассером, что единственно возможная и адекватная стратегия изучения *YouTube* – это вообразить себя Web 2.0 фланёром:

«...когда ни причинно-следственная цель действий и реакций, ни временная последовательность мест не детерминируют направление или траекторию путешествия, но когда человек руководствуется ключевыми словами и тэгами, облаками тэгов или семантическими кластерами, встроенными ссылками, комментариями пользователей и, конечно, своими свободными ассоциациями»²⁶.

Так же и в современной культурной сфере, по мнению Жижека, мы сталкиваемся с множеством жизненных стилей, которые никак не сообщаются один с другим: всё, что мы можем сделать, – обеспечить условия для их толерантного сосуществования в мультикультурном обществе. Политические различия, обусловленные политическим неравенством или экономической эксплуатацией, натурали-

²² Согласно Бодрийяру, именно в символическом обмене существует одновременный ответ, но не существует передатчика и приёмника, с одной стороны, и сообщения – с другой, так же как и не существует самого сообщения, то есть блока информации, требующего однозначной расшифровки, направляемой кодом. Действие символического заключается в разрушении однозначности «сообщения», в восстановлении амбивалентности смысла и ликвидации инстанции кода.

²³ По мнению Г. Энценсберга, сама структура медиа в основе своей эгалитарная, а революционной практике необходимо освободить внутренние потенции медиа, извращённые капиталистическим порядком, вернуть им социальное призвание открытой коммуникации и безграничного демократического обмена, восстановить социалистическое предназначение. См.: Enzensberger H. *Constituents of a Theory of the Media* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://excerpter.wordpress.com/2006/10/21/hans-magnus-enzensberger-constituents-of-a-theory-of-the-media-1970/>

²⁴ Славой Жижек полагает, что мастурбация является формой сексуальности, идеально вписывающейся в координаты киберпространства и капитализма; см. Жижек С. *О насилии*. М., 2010. С. 27–30.

²⁵ Gornyk A. *From YouTube to RuTube, or How I Learned to Stop Worrying and Love All Tubes* // Snickars, Vonderau (eds.), op. cit., p. 441–455.

²⁶ Elsaesser, op.cit., p. 167–168.

зуются и нейтрализуются в различиях культурных. И именно этот разрыв идеально воплощён в феномене киберпространства. Предполагалось, что киберпространство объединит людей в Глобальной Деревне, однако на самом деле вместо Глобальной Деревни, большого Другого, мы параллельно получаем множество маленьких Других, племенных, то есть частичных, идентификаций.²⁷ Так что можно сказать, что визуальный прорыв (серийность и новое перверсивное, римейковое отношение с/к видео) *YouTube* не обходится без остатка и нехватки, нехватки социального. Социальное, в том числе как его понимает Жан Бодрийяр²⁸, – это то, что вытесняется в культуре посредством медиа, но одновременно возвращается в виде новых утопических форм медиации, коммуникации и обмена.

Поэтому *YouYube*, можно сказать, разрешает, преодолевает, но одновременно делает видимыми внутренние тупики не только телевидения, но и самого социума. Социальное воздействие киберпространства, по мнению Жижека, не выводится напрямую из технологий и протезов, а скорее – из социального модуса. Преобладающая форма дигитализации, затрагивающая наше переживание собственного «я», опосредована структурой позднекапиталистической глобализированной рыночной экономики. Обратной стороной этой прямой демократии киберпространства является «хаотичное и непостижимое изобилие сигналов и их схем, которые – как бы я ни напрягал своё воображение – останутся выше моего понимания: Иммануил Кант назвал бы это явление божественным киберкосмосом»²⁹.

В статье *Что психоанализ может сказать нам о киберпространстве? (What Can Psychoanalysis Tell Us About Cyberspace?)* Славой Жижек описывает две стандартные реакции, два стандартных взгляда на киберпространство.

Во-первых, киберпространство как разрыв с эдипальным символическим законом (психоз, шизофрения), что предполагает приостановление символической функции господина и потенциально подрывает царствование Эдипа. В этом случае подчёркивается освободительный потенциал киберпространства. Киберпространство открывает область смещения для множественных сексуальных и социальных идентификаций, потенциально освобождая от патриархального закона, Имени отца. И здесь, на наш взгляд, очевидно сходство с пониманием шизофрении Делёзом и Гваттари.

Во-вторых, киберпространство как продление Эдипа другими средствами (невроз). Сюда Жижек относит точку зрения Жана

²⁷ Жижек С. *Матрица или две стороны извращения* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Gig_Matr.php.

²⁸ Бодрийяр Ж. ...или конец социального // Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. Екатеринбург, 2000. С. 72–95.

²⁹ Жижек С. *Цифровая демократия или цифровое варварство* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Cifrovaya-demokratiya-ili-cifrovoe-varvarstvo>.

Бодрийяра и Поля Вирилио и делает акцент на невозможности вообразить альтернативу (Эдипу).

Однако, по мнению Жижека, оба варианта неполные, недостаточные. Поэтому он подчёркивает специфический промежуточный (интермедиаальный) статус перверсии. Перверсия – это промежуточное звено между психозом и неврозом, между психотической потерей Закона и невротической интеграцией в Закон.

Невроз	Перверсия	Психоз (шизофрения)
Принятие кастрации Невротическая интеграция в Закон	Отрицание кастрации	Отвержение (<i>Verwerfung</i>) кастрации Психотическая потеря Закона

Схожим образом выразил две перспективы, два ожидания от интернета Андрей Горных в статье *From YouTube to RuTube, or How I Learned to Stop Worrying and Love All Tubes*, полагая, что изменения в коммуникационных технологиях всегда сопровождаются как оптимистичным ожиданием их потенциального социального использования, так и опасениями по поводу возможного вредного воздействия на общество³⁰:

- исходя из оптимистической точки зрения либерального технократического дискурса, Интернет представляет собой технотехнологическую инновацию, эффективно обеспечивающую доступ к информации, личной свободе и публичной сфере;

- согласно пессимистическим ожиданиям, Интернет коммодифицирует (превращает в товар) микротекстуру коммуникации, помещая рекламу в центр персональных обменов и бескорыстных удовольствий.

- *YouTube*, по мнению Горных, располагается в самом центре подобный ожиданий.

Мы можем также говорить о параллаксном разрыве и напряжении между субъектом и социальной реальностью, об отсутствии того, что Джеймисон назвал «когнитивным картографированием», т. е. о неспособности поместить свой опыт внутрь значимого целого. Виртуальное же пространство в целом и *YouTube* в частности (как форма социальной медиации) со всеми индивидуально-визуальными перверсиями, фантазиями и серийностью мы можем рассматривать в качестве фантазма, который призван заполнить, компенсировать этот разрыв. Но одновременно он имеет и вполне утопическую направленность, которую Жижек обозначает как аффектирование киберпространством общественной жизни.

Воображаемое субъекта и его фантазматический фон	Разрыв	Публичная символическая идентичность субъекта
	Киберпространство	
	Постэдипальная либидинальная экономия	

³⁰ Gornyk, op. cit., p. 411.

Так, с одной стороны, имеется мечта о новом обществе, в котором децентрализованные сети позволят индивидам связываться и строить коллективную политическую систему, прозрачный мир, где не будет места тайнам непроницаемого бюрократического государства. С другой стороны, использование компьютеров и виртуальной реальности в качестве инструментов перестройки общества приводит к созданию общества внутри машины, сводящей индивидов к изолированным монадам, которые в одиночестве сидят перед своими компьютерами и в конечном итоге остаются в неуверенности относительно того, является ли мужчина или женщина на экране, с которыми они общаются, «реальной» личностью, фиктивной персоной, агентом, совмещающим в себе несколько «реальных» персон, или вообще компьютерной программой.

Сегодня, по мнению Жижека, медиа, и особенно Интернет, упрекают в том, что самые интимные вещи, вплоть до подробностей сексуальной жизни, могут быть выставлены на всеобщее обозрение, в связи с чем частная жизнь оказывается под угрозой и даже исчезает. Но следует иметь в виду, что в публичном показе интимных деталей происходит исчезновение *самой публичной жизни*, публичной сферы, в которой ты действуешь как символический агент, не сводимый к частному индивиду, к совокупности интимных свойств, желаний, травм. После распада систем, обеспечивающих социальную связность, и предоставления субъекту необходимых средств для воображаемых и символических идентификаций, сегодня осталось немного альтернатив, обеспечивающих возможность вписывания субъекта в матрицу символического.

Если Славой Жижек видит перверсивную логику как в индивидуальных практиках и желаниях, так и, в целом, в логике функционирования киберпространства в рамках современной культуры, то вслед за Делёзом, Гваттари и Джеймисоном мы попытались рассмотреть *YouTube* ещё и как пространство раскодированных визуальных потоков, как шизофреническое пространство. То, что объединяет и перверсию и шизофрению, – это особое (во многом схожее – отрицание и отвержение) отношение к Закону, к Эдипу, к кастрации. Психоз (шизофрения), как и перверсия, являются различными формами отказа от кастрации для сохранения фаллической матери (Другого без нехватки). Поскольку в *YouTube* по сути нет чётких границ, запретов, отсутствие явных ограничений (за исключением нарушений авторских прав и материалов порнографического характера) сталкивает пользователей и их желания с границей как таковой.

Если Славой Жижек считает, что в случае киберпространства мы не можем определённо решить, исходя из его технических возможностей, действует ли оно перверсивным или истерическим способом³¹, то мы предполагаем, что *YouTube* располагается скорее

³¹ Киберпространство часто функционирует, по мнению Жижека, истерическим способом. То есть он рассматривает это в контексте ситуа-

между перверсией и шизофренией³², между перверсивно-нарциссическими³³, шизофреническими практиками (фантазмами) пользователей и перверсивно-шизофренической медийной поверхностью. Кроме того, согласно Жижеку, в современном обществе перверсия (трансгрессия) и шизофрения перестали носить подрывной характер.³⁴ Парадоксальным образом реальность *YouTube* также может быть рассмотрена как расположенная между двумя полюсами, между «бессмысленными» эстетическими, шизофреническими повседневными практиками пользователей и утопической, преодолевающей тотальный разрыв, возможностью новых медийных форм коммуникации, желаний, обмена, социального, политического участия и контроля.

ции, когда субъект не знает, что другой хочет от него, поэтому старается заранее отрефлексировать эту неопределённость.

³² Психоз (шизофрения) и перверсия, согласно Жаку Лакану, – это разные формы отказа от кастрации для сохранения фаллической матери (т. е. Другого без нехватки); см. Лакан Ж. *Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958)*. М., 2002.

³³ Как считает Славой Жижек, субъективность позднего капитализма – это «патологический нарцисс»: «Типичная форма психической экономики субъективности, которая становится всё более и более доминирующей сегодня, так называемая нарциссическая личность, является перверсивной структурой. Так что идея увеличения множественных перверсий всего лишь описывает то, что идеально подходит сегодняшнему порядку позднего капитализма» (см.: *Hysteria and Cyberspace. Interview with Slavoj Zizek* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.heise.de/tp/artikel/2/2492/1.html>). Развитие нарциссической личности, стремящейся к «самореализации», приводит к растущему самоконтролю (пробежки, здоровое питание, диеты вплоть до анорексии...), т. е. к субъектам, которые сами относятся к себе как к объектам биополитики. Как писал Жижек, современный субъект вынужден сам устанавливать себе границы и законы (см.: Жижек, *Устройство разрыва*, указ. соч.).

³⁴ «С одной стороны, что касается технологий и сексуальности, – кажется, что всё возможно. Можно отправиться на Луну, биогенетика может сделать вас бессмертными, вы можете заниматься сексом с животными – да с чем угодно. Но взгляните на наше общество, на нашу экономику – ведь практически всё здесь невозможно» (см.: Жижек, *Устройство разрыва*, указ. соч.). Ж. Делёз также полагает, что капитализм располагает особым рода аксиоматикой, и когда он встречает нечто новое и неизвестное ему, то всё складывается, как для всякой аксиоматики, которая в пределе ненасыщаема: он всегда готов добавить ещё одну аксиому, чтобы всё снова работало (см.: Делёз, *Коды и капитализм*, указ. ресурс).